

Дмитрий Ивашинцов

Молчанье

Санкт-Петербург
2020

Дмитрий Ивашинцов

МОЛЧАНЬЕ

Дмитрий Ивашинцов

МОЛЧАНЬЕ

Издательство имени Н. И. Новикова
Санкт-Петербург
2021

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=411.2)6
И24

Ивашинцов, Д. А.
И24 Молчанье : поэтический сборник / Дмитрий Ивашинцов. —
Санкт-Петербург : Издательство имени Н. И. Новикова, 2021. —
152 с.
ISBN 9-785-87991-158-9

В новой книге петербургского поэта Дмитрия Ивашинцова (1944 г.р.) собраны стихотворения, написанные в разные годы и отражающие полувековой путь его творческого становления. Проникнутая тонким лиризмом, созерцательная по преимуществу, отмеченная настойчивым стремлением прислушиваться к голосу вещей и внимать внутреннему голосу души, поэзия Дмитрия Ивашинцова — явление многомерное и в этой многомерности самодостаточное и предельно искреннее.

Книга адресована всем интересующимся современной поэзией.

УДК 821.161.1Р
ББК 84(2Рос=411.2)6

ISBN 9-785-87991-158-9

© Д. А. Ивашинцов, текст, 2021
© А. Б. Филиппов, фотопортрет, 2021

Звук молчания, привычно связанного с точкой, столь громок, что он полностью заглушает все прочие её свойства.

Василий Кандинский

Вступление

Видится, что между сознанием и подсознанием есть нейтральная зона — зона посредников, переводчиков, перевозчиков. Что-то сродни Стиксу, разделяющему царства живых и мёртвых. Сознание неразрывно связано с языком, с реальностью. Подсознание населено генетическим опытом прошлых поколений, коллективным бессознательным, оно не утратило связи с Космосом и Природой. Лишённые подсознания, мы были бы ограничены внешним миром, в котором жизнь души стала бы невозможна.

Подсознание молчаливо, так как не оперирует словами. Расшифровка его молчания и есть задача поэзии — толмача. Но прежде всего надо почувствовать сигналы, идущие к нам из глубин, попробовать приблизиться к их источнику, выйти на грань. Мне предстоял путь в бездну, проводниками которого ещё в юности я выбрал Орфея и Фауста. И тот и другой спускались в страну мёртвых в поисках своей любви — любви, которая была их душой, их совестью.

Многие поэты обращались к этой теме, пытаюсь понять роковой поворот головы Орфея. Мой Орфей сознательно или, скорее, подсознательно оглянулся, чтобы потерять Эвридику навсегда. Это было отступничество — ведь она доверилась ему.

Но оно выводило Орфея как поэта на совершенно другой уровень. Его лира стала повелевать людьми и природой. С первых шагов Орфей принадлежал двум мировым началам — дионисийскому и аполлоническому. Кто победил в его душе в этот момент? И есть ли оправдание нашим поступкам?

История путешествия Фауста в Аид не так часто становилась предметом поэтических интуиций, хотя Гёте в своих заметках называл её ключевой. По первоначальному замыслу Фауст должен был увлечь Персефону своим красноречием и, подобно Орфею, уговорить отпустить Елену с ним в мир живых. Гёте отказался от этого сюжета, но смысл происходящего сохранил. Возврат эллинизма в западную культуру, соединение двух миров — коллективного подсознания и сознания — так Гёте определял цель попытки Фауста. Но и здесь, несмотря на счастливый финал, тема союза с Мефистофелем — извечная тема цены.

Мой путь в поисках своей самости шёл через Лабиринт с его тупиками и фобиями.

Освоение мифологического опыта не бывает простым и линейным. Хаос, бормотание, немота. Слова зачастую мешали. Мешал шум времени. Мешало даже чуть слышное тиканье часов. Чувства пытались выплеснуться музыкой, но её инструментарий был для меня недоступен.

В стихах присутствует ещё один вид молчания — молчание страха. Блуждая в Лабиринте, я всё время ощущал смрадный запах Минотавра. Иногда этот смрад становится невыносимым. Так пахнет тоталитаризм.

Всё написанное мною, распавшаяся на циклы и отдельные стихотворения, является единым произведением. Эта книга стихов представляет собой освоение территории мифа тем способом и средствами, которые были рождены молчанием.

* * *

Молчанье — не безмолвие души.

Попробуй различить дыханье
камня. В нём век прошедший
давнее с недавним свивает

в недоступности вершин.

Так продлевает нить веретено
дыханья пробудившейся природы.
Стекают рек стремительные воды
с застывших льдов, чей сон

не завершим.

Так нам не изменить порядок слов,
диктуемых тем призрачным дыханьем,
что превращает в песнь молчанье
камня в дали высокой ледяных вершин.

27 февраля 2020

СЛЕПОЙ АРИЭЛЬ

---

* * *

приносит осень огорченья
и стаи птиц как флаг беды
и огорчения следы
мы замечаем повсеместно.

над этой ломкою водой
в оправе веток филигранной
мы больше не считаем странным
венчать раскаянье с собой.

и в первом матовом снегу
свои следы боясь оставить
спешим по церквам свечи ставить
и таять к свету на бегу.

* * *

серебро... серебряные створки разошлись
вылетает бабочка седая
за бюро садится голову склонив
тихо тает.

капли падают куют мелодий звон
слов и слухов
за серебряными ставнями мой сын
плачет глухо.

соединить... разрозненное склеить
концы зачистив...
чем теперь зачистишь измученную душу.
строить мост... не видя берегов,
не ощущая реальности.
разрушена реальность
своей подробной описью.
кусками
раздробленными как в калейдоскопе
играет память.

* * *

В погоне за тем, что минует как сон,
мы чаще и чаще идём к тишине.
Она не подскажет нам смены времён,
она не укажет нам трещин в стене.

Вот снова под гору
спускаемся вместе,
и шарф голубой переплёлся с восходом.
От кладбища веет забвеньем и смертью,
и смены времён мы на нём не заметим.

Заносит следы наши шалая вьюга...
В пустых переулках
и улицах тихих
шаги наши стали привычны, как крики
замёрзших ворон.

На усталые плечи
накину платок...
Вот опять, как когда-то,
твой шарф голубой переплёлся с закатом
в погоне за тем, что минует как сон.

* * *

путь из мёртвого пространства
путь по мёртвым городам
где огромные дома
словно кубики пустые
в чёрном свете фонарей
перебитых ветром хриплым

тень мелькает на стене
тень проворных сожалений
где расхлябанные двери
словно груди проституток
обнажённо и бесстыдно
зазывают на ночлег

путь из мёртвого пространства
всё бегом
сквозь тьму и стужу
подворотнями что воют
словно стадо саксофонов
словно стёртые спирали
распрямясь затрепетали

я бегу и слышу топот
я бегу – я предводитель
всех безумных воплощений
всех нашёптанных личин

вон хромая скачут гипсы
эти мертвенные слепки
перечёркнутые швами
как покупка – бичевой...

путь из мёртвого пространства
трудный путь
сквозь мглу и стужу
сквозь разнузданную похоть нарциссической любви
путь ведущий в неизвестность
путь к мосту что цедит вечность
сквозь свои быки стальные
как старик во сне слюну

* * *

Укором памяти легла на землю ночь.
Всё, что скрываем мы,
    что мы хотим оставить
        там, за железом заржавевших ставен,
        там, за железом заржавевших душ, —
всё это как туман
    из лунного оврага,
всё это как дурман,
    когда забродит брага,
всё это как курган,
    когда нам жить невмочь.
Пройдёт..
Помолимся! Простятся нам грехи.
Мы молоды — у жизни горизонты!
    И наше самомнение, словно зонтик,
    укроет нас от бури до поры.

* * *

Что в слове «Бог» для сердца моего?
...Распяты тень,
плач женщин измождённых,
слова молитвы
или прах сожжённых,
что в слове «Бог» для сердца моего...

Возьми меня за руку,
рядом
пройдём по аллеям осенним.
Пусть статуй серебряных тени
укроет от ветра листва.

Сжимается сердце,
мы в мире
как парусник в море безбрежном...
Дрожащие тени, и ветер,
и вера, что берег вдали.

Быть чистым,
как камень,
как ива!
Быть честным... какая награда?
Бояться ли ада

и жаждать ли рая,
не знаю...
не верю я в это.

Но входим в забытые церкви
и видим:
осенние листья
свивают венок безыскусный.
Свивают венок безыскусный.

* * *

Что травы,

что любовь?..

Всё тлен и суета.

Обугленных стволов музейная точёность.

На лица тишина морщинами легла,
как на берег морской чредой ложатся волны.

Что радость?..

Нам ли знать...

В темнеющем лесу
на листьях звёзды слёз оставил дождь осенний,
а в синеве небес, как лета вздох последний,
вечерняя заря прозрачно разлилась.

* * *

отрекись от мечты
буду нежным как свежая рана
когда вновь зазвучит
листопада неслышная речь...

сигареты и трость
нераскрытая книга стихов
телефонный звонок
и неслышная речь листопада

1969–1972

ПЕТЕРБУРГ

Вновь пустое пространство
разорвалось звонкими пятнами.
Тонкие нити теней
натянули свои сухожилия...
Всё пошло по порядку.
Как всегда в этом мире.
По установленному порядку,
как и всё в этом мире.

Вы вслушивались когда-нибудь в звуки капли?

Так вот...

если их оставить,
убрав мягкость, —
это будет началом.

Это будет началом.

Я люблю летящие отражения глаз
в разбившемся зеркале вод.

Нева — рябая богиня
в язвах старушечьих глаз.

Понурые спины согнув,
стоят светоликие старцы.

Их плоски-глаза
устали в нелепой борьбе:
один — высоко над толпой —
одинокий скиталец эфира,
другой дробится в мелькании ветра
иль тихо плывёт к мосту.

В пустоту
по ту сторону жизни
по отточенной грани экстаза...
на последнем дыхании
чёрных кругов под глазами
в этих чёрных морщинах ищу
оппадающих звуков игру.

Так... так... та... та... та...
барабанная дробь разлита
мостовой.

Неуклюжая грубая баба!
Расплескала прозрачную тишь.

С укоризною смотрят дома.
Только вывескам всё безразлично.

Тишина....

Б е л ы й шум.

Размахи обгоревших рук мирозданья.

Осень.
Чёрный осколок сердца
залетел и сел одиноко
на алую веху зимы — — — с н е г и р ь.

Вселенная наполнилась треугольниками расставаний.
Крик их — палки пилигрима стук.

Б е л ы й шум —

любви моей одуванчик,
облетающий журавлями разлук.

Сердце — супрематический чёрный квадрат
на белом фоне одинокого мира.

Белый ш у м

Точки пустоты.

Точки пустоты.

Точки.

Точки.

Точки пустоты.

Что за стук в дверь?

Что за стук...

Скрип двери — кривая ухмылка измены.

Что за шаги в коридоре?

Что за шаги...

Скрипнула дверь,
предвещая недоброе.
И вот уже хаос завладевает душой.

Цветовые тяжёлые пятна,
густые мазки музыки.
Жёлтое лицо трубы
изрезано острыми губами скрипок,

чёрные перья пауз
в оранжевом омуте крика,

зелёные струи дождя –
отраженья умерших нот,
слёзы на рыхлых щеках,
на багровых щеках барабана.

Спадает терновый венец
с привыкшего к мукам восхода.

Голубые глаза фонарей
затянуло бельмом тишины,

прорастающий гул разбудил
голубые глаза.

Голубые глаза разбудил
и, сплетаясь в весеннем луче
тонкой кистью разбросанных точек,
губы скрипок шептали: «Кружись!» –
одиноким осенним листьям,

и, не смея коснуться земли,
листья скрипок кружились,
в круженьи
продевая мелодию утра
сквозь ресницы дрожащих теней.

Опадают,
оппадают,
оппадают.

Опадают медленные взгляды,
ветер захлёстывает душу,
срывая жёлтые листья,
срывая жёлты листья,
недоверия жёлтые листья.

Шаг вперёд,
в сторону...
два шага вперёд,
шаг назад.

Медленное танго.
Медленный огонь, переливающийся
из твоих глаз
в океан моего спокойствия.

Два шага вперёд...
они всегда трудны:
первое прикосновение,
первое насилие,
первое сопротивление.

Шаг в сторону...
первая уступка,
первая улыбка,
первая прогулка по притихшим улицам.

Шаг вперёд...
ласка,
согласие,
вечерний блеск полузакрытых глаз.

Шаг назад...
испуг,
ожидание
и робкая мольба —
не уходи...

...медленное танго...

Ветер в чёрных, больных гриппом, улицах.
Сырые жёлтые лица летят, задевая пятна фонарей.

Холодно...

шаг вперёд,
в сторону,
два шага вперёд,
шаг назад...

...медленное танго...

Усталое лицо пианиста
расплескалось в секундном аккорде тишины.
Но не судите его
по багрово-синему обрюзгшему закату.
Лёгкие пальцы пробежали по послушным верши-
нам...

это руки аскета —
жестокие ритмы пространства...

Всё заметил чёрный провал потухшего города.
Хищно оскалены рты подворотен
на любую мелодию.
На каждый шаг или шорох.

Безумный обрывок тумана силится разглядеть
бегущие ноты чёрных кошек
и, дробясь в призрачных зеркалах окон,
умножает хаос красок.

Качаются.

Качаются.

Качаются

колокола тёмных замыслов.

Летят.

Летят.

Летят

* * *

Я твоею любовью себя воскрешал,
разреши же упасть на колени и плакать.
Пусть над нами смеётся заполненный зал,
источая зловонный и сумрачный запах.

Будь светлее Мадонны,
прозрачней луча.
Кто там корчится в зале, до слёз хохоча?
Будь дыханьем июля на синем лугу,
будь водой родниковой
в тенистом лугу.

Этот свист,
он мешает с тобой говорить,
он сбивает стихов моих ровную нить.

О, Мадонна!
Будь шпагою в смертном бою,
звонкой сталью, объявшею душу мою.
Будь трубой золотою, зовущею в бой,
будь, как сердце, всегда неразлучна со мной.

* * *

мы счастливы с тобой
у нас есть соль и хлеб
и истины святой невнятное мерцанье
есть разговор ночной
есть право созерцанья
потоков грязной лжи что льются за стеной
но если б мир иной нам предложил объяться
и страх небытия преодолеть смогли
навекы б мы ушли в созвездия скитаться
от этой скованной отчаяньем земли
что приковало нас к лачуге полной чада
согретой лишь теплом тоскующих сердец
зачем средь этой тьмы подобной мраку ада
нам светит как свеча Создателя венец
нет мы не проклянем отпущенный нам жребий
венчает нас любви магический кристалл
и хлеб преломленный
и юные побеги
в полях
когда на них накатится весна

***

И не оправдан, и не проклят,
среди слов, что морок и обман,
ищу тебя,

    как путник ищет
пропавший в дымке караван.

Его следы песок заносит...

Как зыбок мир.

    Душа моя!

    Сентябрь влачит кровавой тоги

    сырые жухлые края.

Поля пропитаны водою,
и молча улетает вдаль,
полн укоризны и тревоги,
дождя чарующий журавль.

***

Я пришёл к тебе в Храм, чтоб молиться,
о, душа моя – тяжкая ноша.

Плачет сердце – бездомный ребёнок
кабаков твоего бездорожья,

    и любовь закрывает глаза.

Протяните задумчиво руки,
пусть, как крылья, сомкнутся и спрячут
моё сердце, что ласку забыло.

1977-1979

ОРФЕЙ и ЭВРИДИКА

---

* * *

Я не лишусь тебя, благословенный дар,
Ни в старости глухой, ни в зрелости угрюмой,
Так помнит шквал корабль в объятиях песка,
Сдавившего борта и влившегося в трюмы.

Так помнит женщина любви тяжёлый плод.
Так помним мы друзей, ушедших без возврата.
И вам за гранью сна мой искажённый рот
Нашепчет музыку, рождённую когда-то.

Я не лишусь тебя! Пусть горечь неудач
Не кажется судьбы докучливым изъяном,
И станет каждый миг торжественным и странным,
Когда возникнет стих, тревожен и горяч.

30 июня 1980

1. ОРФЕЙ

* * *

Ты струны перебираешь,
и мстят тебе струны болью,
как мстят мне слова за правду,
как ветер мстит за неволю.
Ты струны перебираешь,
так струи река ласкает,
так воздух пронесит птицу
и бережно опускает.
Но плачут от ласки струны...
О! Как бы хотел я плакать
под ласковыми руками,
и петь, и плакать от счастья.
Но воет ветер над нами,
но гонится ветра стая
за сердцем моим,
за словами, которые мы скрываем.
И ты, подчиняясь ритму
погони или побега,
прошепчешь:

– Прости, любимый,
за то, что мало любила;
за то, что травой росистой
лицо твоё не омыла.

А ветер скалит ухмылку
афиш, наклеенных косо,
и брызги света вплетает
в свои разъятые космы.
И, низко лики склоняя,
раздумья отбросив, как ересь,
фонари-чернецы стояли,
на преображенье надеясь.

Но мне – рабу
и тебе – рабыне
даже образ Христа не подарит рассвет.
Где глаза мои?
Где?!

...Я безумен, Россия!
Мне, как ветру ночному, пристанища нет.

* * *

Орфей, ты плачешь. Ночь спустилась,
как голубь, на твоё плечо.
Печальный облик Эвридики
ещё в сознание не включён.

Ещё ты можешь быть счастливым,
но вяло никнет голова —
твоя душа, как рот зажатый,
не в силах выдохнуть слова.

Слова о воле дерзновенной —
знать, приучили с юных дней
читать подлецов первостепенных,
за казнь приветить палачей.

И пусто, пусто, пусто сердцу
в тисках глухого бытия,
где кровь по жилам не струится,
а проползает, как змея,

где день и ночь так ярко светит
надежд не сбывшихся звезда
и где гранитным амулетом
замкнуты небо и вода.

* * *

Я вижу, вижу путь надежды.
Ещё не все цветы измяты,
ещё глаза детей крылаты
и стройны сосны золотые.

Ещё способен удивляться
нетленной красоте природы
ум человека, и смеяться
ещё один из ста способен.

И ты, любовь, прекрасное сиянье
души, рассеченной мечом железным века,
как хлеб, разломленный рукой любви,
прекрасна и, словно хлеб насущный,
совершенна.

Но научиться искренности трудно.
Взрослеем мы, и опадают крылья,
и может стать, любящие руки
опустятся устало и бессильно.

2. ОРФЕЙ и ЭВРИДИКА

* * *

Я измучен, я потерян,
но не плачьте.
Не роняйте слёз, деревья золотые.
Мимо осени проносятся птичьи стаи
образа не позабытые любимой.

Чем отметим увяданье, чем ответим
на застывшее изящество разлуки...
Осень смотрит потемневшими глазами
на ветвей в мольбе заломленные руки.

Бедный Йорик! Я войду в гудящий череп
этих улиц – проституток и пропойц,
будет медленно мерцать над головою
ореол, боясь меня побеспокоить.

Будет в пламени душа сгорать не плавясь,
будут плети укоризны и укоров,
будут-будут ещё траурные платья
проводить меня к забвенью и покою.

А сейчас, не окрещён и не заласкан,
никому в своих исканьях не поручен,
буду петь, и уготованная чаша,
может, нас с тобой, любимая, минует.

* * *

Мой милый! Нежность моя не имеет границ.
Она как крылья птицам – лететь на заре.
Но разве может свеча гореть на дворе,
где ветер, и дождь, и снег... и нету плаща.

Ты знаешь – крыша рухнет, не стань опорой стена.
И ветви ветру подвластны – коль нету ствола.
Так тихо стало... Моя облетела любовь.
И я не твоя! Уже не твоя. Не твоя.

* * *

Выстоится, выструится,
выльется, как пыль с лица.
Ох, не заплачу!
Ах, не запою.
С колокольни колокол колдыхал незряче,
как у нас с тобою сердце на краю.
На краю любви,
лица,
ладоней...

Как всё это просто:
– Буду не твоей!
Будто позабыли в печку бросить хвороста
или напоить измотанных коней.

***

Что ты! Оглянись...
Я не одна, поверь мне.
Будет жизни ток как сок лозы тугой.
Заблудилась я на полдороге к смерти,
ты меня не жди, далёкий и родной.

Как себя избыть,
как выпить эту чашу...
Как тебе помочь?
— Нелепая игра...
По слогам всю жизнь слагала я удачу,
но удачи нет, тебе я не лгала.

***

Неужели этот мир не мир, а пропасть?
А цветы, а запах сена и малины!
Помоги мне! Задыхаюсь. Помоги мне.
Ты же видишь, я несчастный и невинный.

Ты сильна — ты знаешь сроки и законы.
Не умом, так предсказанием и чувством.
Объясни, зачем, как пьяница, тянусь я
к этим строкам, предначертанным искусством.

Тем, чем был, ни мне не стать и ни другому.
Вышла сила из стихов, куда — не знаю.
Помоги мне. Помоги мне, дорогая,
мы ведь так уже давно с тобой знакомы.

* * *

Что сказать тебе, любимый, что ответить...

Если ветер ветви осенью ломает,
значит отжили, отпели эти ветви,
отцвели они росой и цветами.

Если сердце зачерствело, словно корка,
если ночи все твои безлунны стали,
значит надо перестать молиться песням,
значит надо перестать болеть стихами.

Но очнись! Возьми моё на память сердце.
Пусть оно тебе нашепчет вечерами
о земле, с трудом распаханной для хлеба,
о весне с её зелёными холмами.

* * *

Ты лгала мне, ты лгала мне...
знаю, знаю — что не лгут лишь замарашки и тупицы.
Ты ж лугами, опьянев от медуницы,
без меня к чему-то доброму шагала.

Это ложь, что я неправеден и горек.
Что ж полыни не цвести, не пахнуть пряно!
Как мне хочется и ласки, и покоя,
только ветер дует в душу непрерывно.

Проведи меня лугами голубыми,
подведи к словам прозрачно-родниковым.
Нет тебя. И опускаются туманы.
Опускаются туманы, как оковы.

* * *

Мой любимый! Май в дыму деревьев,
чад черёмухи и соловьиной муки.
Если мы друг другу не поверим,
разойдутся судьбы круг за кругом.

Пусть судьба свершает ход свой строго,
пусть не будет вечного покоя,
вслушайся – во мне звенят цикады,
как в ветвях, обугленных от зноя.

Непришедший день меня не манит. Не томит
вечерняя прохлада. Чьей стрелой мой ясный
сокол ранен?! Чья рука её поила ядом...

Я омою рану чистотелом, я тебя укрою
плащаницей. Я от Бога слёз своих не скрою,
за тебя не стыдно мне молиться.

3. В ЦАРСТВЕ ТЕНЕЙ

* * *

Как смешно всё, что с нами случилось...
Как всё странно, что нам суждено...
Жизнь и смерть – карусель, и на цепи
крутит Землю смотритель хмельной.

Долог путь, бесконечно познанье...
Горний воздух разрежен и сух,
лишь пастушьей трубы завыванье
здесь тревожит истерзанный слух.

Там, в долине...

Не надо обмана!

Не уйти нам от тягостных пут.
Труден путь обоюдных признаний,
счёт растраченных даром минут.

В этот путь я готов, но печалью
переполнено сердце моё.
А на горные цепи прощально
солнце алые всполохи льёт.

* * *

Пусть я мёртв и с мёртвою любовью
подойду к затворенным дверям.
Будет ветер плакать на подворье
и молиться светлым небесам.

Боль пройдёт... Пытаясь улыбнуться,
страж и старец строги у дверей,
сердце робко тянется коснуться
связки тускло блещущих ключей.

Что скажу, любимая! Что вспомню...
Что отвечу? Бедная душа!
Проклял я дарованную вечность,
спотыкаясь, мучаясь, греша.

Проклял я, но было сердцу больно.
Ведь не я же выдумал любовь!
Нас простят. Уже скрипит в обойме
ржавчиной изъеденный засов.

* * *

Что за слухи о том, что тебя выводили
из загробного мира в мир песен и льна,
где весна свои поцелуи вёдра разлила
от неяркого нашего солнца пьяна...

Что за слухи? Когда каждой жилкой своею,
каждым вздохом своим я обязан тебе.
Опадая листом в лабиринтах бессилья,
забывая о счастье, любви, тишине.

Пребывая в аду раздвоенного мира,
где неправда и правда свивают кольцо,
в чьих руках, чьих коленях мой гений спесивый
прятал мятое плачем и прозой лицо...

Кто мне в руки вложил эту звонкую лиру?
Кто страданьем очистил её ото лжи?!
Если Муза и Бог! – то откуда их сила
в этом маленьком сердце...

Откуда? Скажи!

4. ИСХОД

* * *

У стен, чьи каменные своды
сочатся влагой ледяной,
счастливый звучный дар природы,
ты снова, музыка, со мной!

В тебе одной моё призванье,
и смерть не властна над душой,
покуда струн твоих звучанье
её касается волной.

Покуда, власти не приемля,
глаголом полнится душа.
И светлых слов гекзаметр древний
она читает не спеша.

* * *

Пусть я брошен тобой,
Пусть твой профиль расколот на части,
Эвридика!

Бег твой лёгкий сквозь ветви веков и сквозь чащи
прекрасен, как сон,
Эвридика, звучащий...

Сон – поющий любовь.
Сон – поющий отчаянье страсти.
Сон ли, звон колокольни,
среди русской равнины стоящей...

От Эллады до нас бесконечны, как эпос, пустые платформы,
и билета без визы на выезд и въезд не оформить.
Но с котомкой, в которой душа, пара строк и пустая бравада,
я бреду за тобой, я бреду, возвращаясь на волю из Ада.

* * *

Ах, прошедшее, ты нам не даришь счастья.
Ты не даришь тишины душе оглохшей.
Но, как сполохи грозы во мгле вечерней,
боль моя, печаль моя в тебе подробней.

Я прошла по кромке полого сознания,
я замкнула круг страстей твоих и муки,
стопы нежные камнями изранив,
изорвав в кустах и грудь свою, и руки.
Как молилась я, чтоб путь мой стал короче.
Как смотрела в образа твои, мой Боже!
Но от этого не стала ниже круча
и подъём к тебе не стал ничуть положе.

И теперь, теперь осталось всё как прежде.
Только меньше и надежд, и сил, и воли...
Ах, прошедшее, зачем ты подарило
мне так много и отчаянья, и боли!

* * *

Так молиться никто не умеет,
но грешим, чтобы верить в себя.
Чтобы жизнь, как палитру Ван Гога,
опалило безумье огня.

Так молиться... Но кто нам поверит!
Пролистав дневники наших душ,
подсмотрев сквозь разбитые двери
сонмы гноем пропитанных туш.

Сонмы тэней... Их место за Стиксом.
Нам ли старые листья жалеть.
Будет мрамором утра отмыта
наших судеб измятая жесьть.

Снова станешь певучей струною,
неразлучна со мной на века...
Ляжешь нитью, до боли знакомой,
на натёртое тело колка.

Пусть не знали мы в жизни покоя.
Смерть минует, и молча вдвоём
там, за мутной границей прибора,
мир и вечность в себе обретём.

ФАУСТ

---

* * *

Кто разрушает голоса?! Кто звонче всех
умеет петь?! ... Фюить... и нету ни черта,
свою черту подводит смерть. Фюить... и,
значит, никуда не ступишь, не начнёшь
искать смысл жизни. В этом пустота
дотошна и строга, как мать, которой
кажется, что сын идёт над пропастью
во ржи... Фюить... Служить ли,
не служить... За что ж ты голову сложил?!

За право первым на балу кричать
и право на престол, как ногу борова
лизать и грызть и помавать перстом,
указывая путь ли, пут свинцово-серые
круги... За право, погружаясь в топь,
не укорачивать шаги.

Кто разрушает голоса? Кто звонче всех
умеет петь... Свобода – блядь на
полчаса, вольно ж от похоти звереть!

Нам кровь за кровь и зуб за зуб
не завещанье, но закон. И, гильотиной
позвонев, судьба бросает кость на кон.
...За право первым на балу рвануть
полу или корсет и бить в бледнеющую
тьму, сжимая до крови кастет.

Не тронь нас! Абстракция любит покой.
Её равновесие на волоске. Послушай –
в глубь сердца уводит конвой биение
пульса на левом виске. Традиция
веры – за веру страдать. Но нам-то
за что ту традицию длить?!
Зачем нам опять подставляют Христа,
когда мы не в силах его воскресить?
Потухшие свечи не гаснут во тьме,
биением памяти возрождены. На грани
падения длится любовь. Но в чём
та любовь, кроме судорог жил?

* * *

Ты думал, нет меня!
Ты думал, я исчез,
как сгустки синей тьмы
на солнечном восходе...
Как женская любовь,
коль деньги на исходе
и нет намеренья стучаться в дверь тюрьмы.

Ты думал, я исчез?!
Спокойно почивал,
излюбленных острог
цедил слова скупые:
де люди умные
всегда полунемые
и держат на замке
карман, жену и рот.

Как обманулся ты!
Опять хмельней вина
улыбка женщины,
опять я пьян и весел
и рожу постную твою
на гвоздь повесил...
Когда за дверью м а й,
она мне не нужна.

***

Разбиты набаты,
как пальцы о двери чужие.
Кто вспомнит, кто скажет,
зачем мы любовь пережили?!
Зачем не остались лишь сказкой,
в века обращённой?
Так стыдно, так сладко
услышать: «Прощённый, прощённый».

Прощённый. Но так ли уж нужно судьбе оправданье?
Пусть Каин!
Пусть предал я память великих и гулких развалин.
Пусть знамя пустил на обмотки.
— Твой дед! И твой прадед!..
Не будем касаться седых нецелованных прядей!!!
У века, найдёныш, искал я иссохшие груди,
и тупо смеялись довольные, сытые люди.

***

Когда отвергнута недремлющая память,
Как мёртвые листья по улицам пустым,
Сквозь черноту и мрак обугленных развалин
С тобою мы, обнявшись, пролетим.

Там, в этой пустоте, свершается над нами
Древнейший заговор, что знает наш язык,
И смотрит в душу Бог бездонными глазами,
И тает плоть, как воск, как в небе чей-то крик.

Не призраки, увы! Мы сами, только сами
Создали этот мир из пепла и огня
И силимся понять дрожащими губами:
— Где крик рождается, терзающий меня?

Но если тишина вдруг захлѣбнется нами
И, словно злые псы, сольются в схватке рты...
Закружит ветер нас и с мёртвыми листьями —
Сквозь черноту и мрак по улицам пустым.

* * *

Я буду будить тебя, буду будить!
Ведь сон беспробудный лишь мёртвым дарован.
Зачем я тобой, словно обручем, скован,
не в силах порвать этой музыки нить?
    Ты в сердце, как песня, как слово вошла.
    И горе не горько, и солнце не ярко,
    когда между нами черта пролегла,
    как чёрная тень под высокою аркой.
А музыка, что ж! Только мне и тебе
понятны трезвучий мучительных волны.
Но надо проснуться! Проснуться и жить,
забыв о черте и тяжёлой и чёрной.

* * *

Когда последнего предела
слегка касается крыло,
так ослепительно, так смело
по-над землёй осиротелой
любовью душу замело.

Заря смыкается с зарёю,
а мы с тобою — никогда...
Но тем прекраснее звезда
в холодной дымке ночи белой,
там, у последнего предела,
там... у порога в никуда.

***

...ступени слов
                  истоптанных толпой
          ведущих в Храм
но не ведущих к Богу
дающих эфемерную подмогу
моих стихов израненным ступням

и ты — душа
                  посмевающая запеть
над алтарём зарёю обагрённым
вглядись — сквозь воздух льющийся с небес
деревья проступают обнажённо.

                  что им таить —
                  не музыку... увы
вещественность их грубая наивна
но сердце закипающее гимном
не даст склонить усталой головы

***

Там, где погасшее солнце
находит своих двойников,
там начинается ночи и звёзд
возрождение. Нам ли печалиться,
если порядок таков... Если
извечны и строги каноны творенья.

Только смириться так трудно
с безликой судьбой. Кто она?!
Что заставляет нас плыть
по теченью... Нам ли печалиться,
если порядок таков... Если
извечны и точны законы движенья.

Смерть открывает нам дверь
в заколдованный сад, где
не тревожат нас плоти пустые
стремленья. Нам ли печалиться,
если порядок таков... Если
извечны и скорбны пути постиженья.

* * *

Излиться. Из листьев, из ости
осоки засохшей сплетая венки,
разве думали мы разлучиться...
Но над горизонтом обычное
солнце восходит. Осталось немного
до разъединенья ладоней. И пыль оседает,
и листья шуршат неумолчно. И лавром, и ладаном
пахнут святые иконы. И ночь завершается
ласковым звоном...

* * *

Что такое любовь?!
— Крылья птиц,
распростёртые в крике...
Одиночество.
Ибо любовь одинока.
Твои нежные руки,
которых боялся коснуться.
О, безумье моё!
О, безумье моё...
Крылья птиц, с силой бьющихся в окна.
Там, за окнами, мир, о котором слагал я стихи,
ветви вишен зари, опалённых мечтою.
Там, за окнами, мир, полный ласковых сказок любви.
Одинок я.
О, как одинок я!
Бедный всадник, по улицам скачущий вдоль
магазинов, кафе и шагов твоих тихих.
Всё вокруг этот ветер разбил...
Зачеркнул одним росчерком локоны.
Смяты листья
и голос мой.
Плачу ли я?!
— Одинокая песня как пьянка с собою.
Я безумно смешон. Я безумно устал. Что такое любовь!
Что такое?

ТЕАТР МАРИОНЕТОК

---

*Хотелось без травм и без ран
Прожить эту краткую жизнь...
Успели сказать: ты не прав.
Но крикнуть забыли – ЛОЖИСЬ!*

* * *

Малыш, когда так больно всем шарнирам,
ты лиру вытащи из грязного белья.
На сцене карлики, кликуши и сатиры,
леса и пажити – вся родина моя.

Она не миф – но мифами одета.
Она не сон – но сон её тяжёл.
Какие мистики, фанатики, поэты
влюблялись в эту – наилучшую из жён.

Не подведёт, не бросит, не отторгнет.
Но сколько их – ушедших от неё,
к другим, туда – где от прощальных оргий
душа, как плод раздавленный, гниёт.

Ты не такой. Зачем же взор потупил?
Не веришь мне? Ты прав. Не верь... Не верь!
В объятьях хитроумнейших конструкций
душа и кукла, человек и зверь.

И ты попал в тенёта декораций.
— Игра, игра... Да можно ли без лжи?!
Ответа нет. Лишь вожжи да тяжи,
и некуда от этого деваться.

МАСКА ПЕРВАЯ

* * *

Когда лепила нас Природа,
как были ясны и чисты
черты. Но тронуло юродство
природы светлые мечты.

И, ничего не объясняя,
нас завела с тобой судьба
в пространства, где страна немая
границей сжата, как тюрьма.

И смялось всё. И разум вянет,
себя почувствовав скопцом.
И лицемерье руки тянет
к тому, что мыслилось лицом.

И страшно к зеркалу приблизить
пустые, мутные глаза.
И страшно жить — пути не видя,
и слышать, как свистит лоза.

* * *

Как дерево, что скрючено ветрами,
как корень, что пытался вгрызться в камень,
моя душа. И нет покоя в ней.
Всё кажется, что я уже не честен,
что и своих не стою даже песен,
что горек хлеб, дарованный врагом...

Но кто мой враг? Любить не перестану
свой край родной, расхищенный и пьяный,
свой отчий дом – безбожный и святой.

Твоих полей нескошенные травы,
твоих детей безудержные нравы,
моя Россия! Как я прокляну?!

Но горько мне отраву фальши видеть,
и я готов всем сердцем ненавидеть
слепых лжецов, дурманящих страну.

* * *

Вот наступил и наш черёд
очнуться от своих забав.
Кто знает, что нас завтра ждёт?
И кто окажется неправ.

И кто окажется – слепым.
И ощупью, при свете дня.
И кто окажется – святым,
и не отступится огня...

МАСКА ВТОРАЯ

* * *

Жизнь — злая госпожа: то строгостью томит.
То кормит на убой — попробуй отказаться...
То требует в любви до гроба объясняться,
то близко подходить годами не велит.

О суета сует! Подбив итог, немею.
Ни веры, ни любви не прибыло в душе.
И плакал бы навзрыд, да плакать не умею.
И проклял бы себя, да ни к чему уже.

Ни кнут меня не сёк. Ни бич спины не трогал.
Откуда же раба позорное тавро?..
Зачем я предал всё, что свято и светло,
и сердце привязал у твоего порога?

* * *

Я прежний, а прежде кто прежним был,
кто?!

Я прежний. Но только прошу без зеркал.
Я знаю — моё исказили лицо
любимая, ложь и тоска.

Я прежний.
Но как отыскать тишину,
чтоб голос услышать свой?
Голос, не вой!
Как луч преломляясь, он бьётся во мне,
во сне ли,
весной ли,
слепой...

Я прежний. А прежде кем был я
и с кем
встречался в том доме, где, кажется, жил...
Где верил всему: и любви, и весне.
Воистину был я слепым.

* * *

Когда вдали, как скрипки тёмный голос,
твоя любовь. Я так хочу, поверь,
прийти к тебе, чтобы замкнулась полость,
сметая сор обыденных потерь.

Мы к ним привыкли. Нас они не гложут,
как злые псы. Но, словно ржа металл,
они сердца в сухую пыль разложат,
и мутным станет совести кристалл.

Я не хочу утратить состраданье.
Моей душе так страшно без любви.
– Всё ближе, ближе холод мироздания.
– Всё тише шёпот: «Бог тебя храни...»

МАСКА ТРЕТЬЯ

* * *

В этом мире, где всё обозначено чётко,
где в витрине толпы обречённо маячим,
так грешно перечёркнутым быть. Перечёркнут –
это значит названье и цену утратил.

Я пока что ярлык берегу как зеницу,
и личину снимать опасаюсь, и клетку
покидать не намерен. Здесь кормят и поят,
и к тому же толкуют: не всё под запретом.

Я пока что и здесь заблудиться способен,
в этом мире, где всё получило названье...
Руки ищут лицо, но пространство пустое
под руками моими смеётся и плачет.

* * *

Ну что же, мастерски ли маски
мы научились надевать.
— Вся наша жизнь — кипучий праздник,
и каждый шут, не шут — проказник,
готов чужую роль сыграть.

Чужую роль?.. Прилипла маска,
не отодрать её с лица,
и красная сочится краска
из бутафорского бойца.

Чуть-чуть подрались... Пьяны были...
— Болит отбитая рука?
А если до смерти забили,
вина шута невелика.

— Не мы сценарий сочиняем.
Нелёгко наш актёрский труд.
И если бить рука устала,
есть час отбоя, по Уставу,
и есть друзья, с кем водку пьют.

* * *

Я готов бесконечный диалог
продолжать:

.....

.....

но спускается тьма.

Вид подмостков неряшлив и жалок.
Как и автор, и пьеса сама.

Кто был близок — растаял в тумане
слов, полученных в долг у Судьбы.
Монотонно, напрасно, упрямо
шепчет время молитвы свои.

Но не вечна любовь без изъяна,
бескорыстие дружбе не впрок.
И, стремительна, словно Диана,
старость бросит нам в лица упрёк.

ЭПИЛОГ

Не надо слов, не надо песен странных.
Потерян страха колющий излом.
За нами тенью гонится Голядкин
на скакуне во фраке голубом.

По этим плитам, мокрым и холодным,
по переулкам, листьями шурша,
идём с тобой. Сутулится душа,
как нищенка в скиту перед иконкой.

Нельзя понять, куда с тобой идём.
Чему смеёмся и о чём горюем...
И почему, упав, не исцелуем
гранитных плит, замкнувших окоём.

1983–1984

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Моим друзьям, разрозненным на лица,
моим врагам, которым сладко спится,
и просто – не читающим меня
я посвящаю этот странный опус,
гудит в волнах его солёный корпус,
и далека желанная Земля.
И парус бьёт тугой холщовой складкой,
и кажется любовь былая сладкой,
хотя горька как хмель она была.

Из этой точки, рыщущей по свету
среди кальмаров, крабов и креветок,
среди музейных статуй и картин,
где мальчиком, заплаканным от страха,
в прекрасном мире вымысла бродил,
я подаю вам пеленг еле слышный...
Листает ночь некрашенные крыши,
и бросила удача удила.
И ни одной антенны не коснувшись,
мой голос не заставит вас проснуться –
Вы крепко приросли к своим телам.

Ну а для них ритмические волны
лишь джазовых мелодий смысла полны,
и то с «Российской» водкой пополам.

Моим друзьям... Как путь их неприкаян,
как будто в каждом — согрешивший Каин,
и воздаётся в жизни по делам.

Но это выверт и Судьбы, и Ритма;
сочится влага из кормы разбитой,
и нет преграды ветру и волнам.

Бессмыслен бег волны и непреложен,
прилив-отлив и нам с тобой положен,
лишь мутной пены след по берегам.

Прилив-отлив. В каком мы с вами месте?
Шуршит песок обманчивых известий,
и заржавел анализа секстант.

И звёзд, путь указующих, не видно,
и поглядеть в глаза друг другу стыдно,
и горький смех струится по губам.

Куда угодно. Только на свободу:
от сдобы, от безумья, от цветов
в хрустальных вазах, пьющих взапуск воду.
В прокуренных салонах поездов,
где лампочки почти не освещают
лицá соседа, где всегда качает,
где снежные сугробы намело,
где нам с тобой уютно и тепло.

Куда угодно: в степь, в лесную небыль...
Туда, где ночью только снится небо,
а в городе — хоть в мусорный бачок!

Провинция... Мерещится порою,
что кандалы другого там покроя
и не прервут в грядущее скачок.

...Но я отвлёкся. Волны, вобла, воля,
пивных ларьков безрадостная доля
на нашей барже... Сколько в них рванья!
И мы туда послали делегатов.
Один маячит в призраке бушлата,
другой и вовсе дрогнет без белья.

Там наши дни простаивают с кружкой,
похмелья тень плетётся за пирушкой,
монетами последними звеня,
наш бледный вид и тремор извиня.

Пивных ларьков как вёрст на перегоне.
Хрипит Россия, фыркает, и стонет,
и помнит кнут лихого ямщика.
Сомненья... ложь... охранки подлый запах,
как волчий вой, сжимает сердце страхом...
И есть ямщик. Да не в коня рука,
и пляшем мы по кочкам трепака.

В чём дело? В чём? Что заставляет падать
и вновь искать судьбы и веры паперть,
сверяя с именами имена...
Листать газет запретные страницы,
искать за гранью сна, из-за границы
ответ на шёпот: «Где она, весна?..»

Искать в былом невидимые знаки:
«волы», «драконы», «буйволы», «собаки»...
все звёзды, все... Неумолчна волна.
Она смывает наше нетерпенье —
узнать, что там, где траурное пенье,
где ночи тень извечна и темна,
где стебель прорастает из зерна.

Друзья! Друзья!!! Потёртые, бывые,
вы памяти доспехи боевые,
когда она садится на коня.
Когда она, вздымая пыль с арены,
переплетя события и гены,
проскачет мимо, полная огня...

Ах, эта память! К правде так не склонна,
ей так претит умеренность и скромность.
Но что всё это значит для меня!
Мне плоть нужна: судьбы ли, содержанки...
чтоб грудь в руке пульсировала жарко,
а Истина — не стоит ни хрена!

Враги, враги. Сегодня с глазу на глаз
я убедился: ваши святцы — наглость,
донос, навет и злобы белена.
Я не святой. В душе полно изъянов:
был разведён, бывал частенько пьяным...
Но мысль моя холопства лишена.

А вы ханжи, живёте втихомолку,
кляня жену, комолую как тёлка,
на девочек глаза из окна.
А вы, зажав колено секретарши
ручонкой потной, дельце полиставшей.
плеснёте ей подкисшего вина.
И, источая отчий запах хлеба,
под матюки начальственного гнева
корыто жизни выжрете до дна.

...Узнать, что там... И если есть расплата
за всё, что здесь без сожаленья смято:
за дружбу, за свободу, за любовь,
за то, что мы двоимся, словно тени,
за нашу скуку, родственную лени...
То как вести подсчёт своим грехам?
И сколько тянет тайная измена?
И как идёт на этом рынке пена
нелепых сплетен?.. Грязное бельё —
своё, чужое... И любовь её
растоптанная? Кто подскажет цену?!

август 1984 — февраль 1985

СТУПЕНИ

---

*Ты нежности меня лишила. Что поделать.
Как высохший ручей, прозрачен я и пуст.
...Вот ящерицы след. Вот занесённый куст.
Вот камушек на дне – обточенный и белый.*

* * *

По каким ступеням нам спускаться в Ад?
Беатриче пляшет на столе канкан.
Не ступени это, а года скрипят..
Вряд ли тех отпустят, кто сюда попал.

Вряд ли карнавалом кончится шабаш,
сладко тянет тленом от заздравных чаш.
Где же ты, Спаситель?! Маски вместо лиц.
Трижды прокричали петухи с бойниц.

— | —

* * *

Не тем душа моя больна, что больше нет
тебя, родная. А тем, что ветер, завывая,
срывает занавес с окна. А тем, что
полная луна своё сиянье льёт и будит
надежду. Прошлого не будет.
Как эта истина смешна...

Как посмеяться мы могли б над всем,
что было неподдельным... Над осенью сырой
в Удельном. Над тем, как ты была пьяна
прогорклым запахом и пылью
дождя. Как счастье было бытью,
и мы хмелели без вина.

Как эта истина смешна. И вот смеюсь не уставая,
друзей в лицо не узнавая, их забывая имена.
И забывая день и час рожденья своего —
не надо рождаться было. Вот награда
за кубок, выпитый до дна,
за ветер, рвущий из окна тяжёлый занавес,
за строки, тобой подаренные мне. За всё —
что было не во сне, а в жизни
низкой и высокой.

* * *

Я не зову тебя: «Вернись!»
Хоть горек хмель, но пьём его мы.
Так и разлуку. Ты поверь —
не нужен дом любви бездомной.

Так и разлуку. Бог с тобой.
Как моет золото старатель,
так я готов всю жизнь потратить
на поиск музыки простой.

На поиск... Веришь ли, судьбой
дарован мне удел прекрасный —
из слов божественных и ясных
извлечь их отблеск стиховой.

Я не зову тебя: «Вернись!»
Печаль светла, а значит снова
должно прийти такое слово,
чтоб им молиться и спастись.

* * *

В моей комнате мебель всё та же стоит,
И всё те же картины висят на стене,
И всё та же реклама пылает в окне,
Где и сам я когда-то пылал...

А теперь я не первую руку в руке
Грею, чтобы согреться в вечерних лучах,
И спешу прошептать, что когда-то тебе
Я шептал по ночам, по ночам... по ночам...

«Твои плечи, и шея, и нежная грудь
Для меня как сигналы из дальних миров.
Эти волны сначала чуть-чуть различал,
А сейчас захлебнуться их ритмом готов».

А сейчас, воплощаясь в песок и полынь,
Сладкой болью томится пустыня твоя;
Принимая сухую прозрачную синь,
Понимая, что нету любви у меня.

— || —

* * *

Петербург, Петербург! Осаждаясь туманом,
ты из хляби болотной, как призрак, возник.
Не поймёшь в полумгле, то ли так... то ли к гландам
тянет руку твоей медью упоённый двойник.

Не сбежать от тебя, хоть в Бомбей, хоть в Египет
уезжай. Ты во мне, как осколок, застрял.
Над твоим казематом наш питерский скипетр —
перевёрнутый узкий петровский бокал.

И без устали пьёт горький пьяница-ветер
запах мокрых проспектов, их копоть и дым.
И грешно, уступая судьбу молодым,
ничего на угрозы твои не ответить.

И смешно, как гидальго бряцающая щитом,
наступать на гранитом одетые стены
и тлетворный удушливый запах измены
ощущать, как дыханье, измученным ртом.

* * *

Забытых слов не жаль мне, нет.
Забытых снов — и тех не жалко.
Опять ночей певучий свет
в себя твоё вбирает жало,
мой город. Мой приют святой
с уснувшим ангелом над нами
и с золотыми парусами,
замороженными тобой.

Как усыплять умеешь ты
и мысль, и дух, и тело...
Даже тот ангел — ангел над иглой,
напротив окон Эрмитажа,
и он подвержен забвению.
Ведь я ему шептал молитвы...
Но ахиллесовой пятой
гранитные простёрлись плиты.

Не замечает даже он того,
что капель меньше стало,
когда она с небес упала,
как мы, любимая, с тобой.

* * *

Полно молиться, и полно молить!
Не к чему пластырь на горло лепить.
Резаной раны так гладки края.
Милая мама моя!

Вновь под расчёт подвела меня жизнь.
Листьям кружиться, а мне не кружить,
не покуражиться, выпив винца,
пройден проулок тоски до конца.

Чёрт с ним, с проулком, и чёрт с ней, с тоской!
Пластырь, родная, сгодится любой.
Резаной раны так гладки края,
склеим, как было, — и песенка вся!

* * *

В наш трудный век не каждый знает,
зачем живёт.
А мы любви поднимем знамя
и с ним — вперёд!

Пусть не смущают вас доспехи
и тощий конь.
Зато в груди у нас навеки
зажжён огонь.

Зато останется за нами
в пыли веков —
над древком вьющееся знамя
и звон подков.

Какой резец сумел запомнить
Мадонны облик и нанёс твой смуглый профиль,
окрылённый копною вьющихся волос?

Какой безумец тронул кистью твои волшебные глаза,
чтоб свет их через душный зал
в душе мог песней отразиться?

Позволь же мне, как хмель любовный,
испытать восторг твоей красоты
и упоённо неги тёмной следить секунды и часы.

Позволь сквозь бархат золотистый
проникнуть взглядом и понять,
как поселить огонь и страсть в сосуде ледяном и чистом.

* * *

Ты молода. Как холодом вода
из родника порою зубы сводит,
так ты меня свела с ума сегодня —
всё пил бы, пил без устали до дна.

Но ждёт меня дорога. Оглянусь
последний раз и вставлю ногу в стремя.
Куда, куда от нас уносит время
любимых губ солоноватый вкус...

* * *

Так трудно вымолить пощаду.
Защитник сам перед судом.
И тянет совестью и смрадом,
виной, раскаяньем, стыдом.

И тянет биться головою
о прутья клетки. Но куда
бежать отсюда? Навсегда
приговорён ты быть собою.

* * *

Когда, к чужому берегу спеша
по льду, на ощупь, мы торим дорогу,
то кажется — ещё совсем немного,
и оживёт уснувшая душа.

И оживут деревья и поля,
и от капли станет воздух чище.
Но хрупок лёд весной... Не докричишься
и не дотянешься. Хоть вот она — земля.

* * *

Какие мутные стёкла... И от дождя всё промокло.
И мокрый асфальт, этот грустный чудак,
мне нравится так, как не нравится даже
женщины нежный профиль.

Вот так бы и ехать туда, где дожди
нескончаемо льют. Туда, где не жди
ни любви, ни прощанья минут. Туда,
где ни встреч, ни отчаянья нет,
где дождь до скончания лет.

А может, я кем-то забыт? И свёрток
забытый лежит. И ты протяни только руку,
и я твоим стану без звука.

Но рядом толпится народ. Хрипит
и увидеть тебя не даёт. И в окна
бездумно глядишь ты. И я
проклинаяю дожди.

* * *

Так тоскливо, мой друг, вечерами
одиночества книгу листать.
Двери замкнуты. Кто виноват,
что судьба пролегла между нами?

Что не вправе протянутых рук
я коснуться губами, но вправе
ждать письма и беззвучно часами
твоё имя во сне повторять...

Как разбить мне оковы... В душе
столько горечи жгучей скопилось,
что обычную боль – словно милость –
моё сердце приемлет уже.

– V –

* * *

В пустой абстракции, исполненной обмана,
сошлись две линии – два наших бытия.
И обвилась вокруг дерева змея,
и разразился Бог глаголом бранным.

И раскрыл наточенный топор
ствол яблони. И загноились раны,
и плод упал на траур листьев ранний,
как солнца луч в больничный пыльный двор.

Как солнца луч, что ни о чём не тужит,
светло тобой рождённое дитя.
Оно живёт ласкаясь и шутя...

Пусть копать липкая над колыбелью кружит,
но звёзды все ему покорно служат,
свой яркий путь по эллипсу чертя.

* * *

Твои письма лежат у меня на столе.
Ты писала их в августе. Нынче – декабрь.
И деревья, и улицы все в серебре,
но боюсь до сих пор я держать их в руках.

Будто этим я боль причиняю тебе,
убеждаясь, что больше ко мне не придёшь.
Узнавая по нежности в каждой строке,
как свиданья со мною ты трепетно ждёшь.

Только в руки возьму... Коридор, тишина...
И из тени и света рождаешься ты,
как Мадонна прекрасна, и так же грустна,
и согласна с жестоким решением судьбы.

* * *

Я знаю, что с тобой сравниться
не может женщина другая.
Так птице фениксу не слиться
с летящей мимо птичьей стаей.

И не избыть в моих напевах
твоих, любимая, примет.
Так морю не найти вовек
не тронутый волною берег.

* * *

Было странно войти в твою память,
дневниковые строки читать. Там любовь
за чертою осталась, за которую страшно
ступать.

Вновь ночная нахлынула стужа,
сжала сердце, и нечем дышать.
Потому так близка неизбежность
боли той, что пришлось испытать.

* * *

Так должно быть.
Мы встретимся снова
в том далёком, туманном
всегда. Будет небо распахнуто
настежь. Будет ветер, песок
и вода...

Как давно не смыкались
ладони. Шаг за шагом
сквозь годы и сны.
Среди локонов вьющихся
тонет нераскрывшийся
ландыш весны.

* * *

Какая грусть... Ты подойдёшь ко мне.
Какая грусть... Моих коснувшись пальцев,
скользнёшь иглой по светлой ткани в пальцах,
узор несложный повторив вовне.

Узор несложный повторив вовне,
и я скольжу в руках судьбы беспечной...
И близятся забвение и вечность,
и ветка клёна грезится в окне.

* * *

Мне бессонных ночей хватает.
Что бессонница мне, что сон...
И больнее уже не станет,
и чернеет в глазу хрусталик,
и наполнен стакан вином.

Нет тебя. Невозвратность ласки
столь мучительна, что молчу.
Хотя знаю – вся жизнь напрасна,
и слезает с предметов краска,
и туман не пробить лучу.

Нет тебя. Как же жить я смею?
Не завую, как волк степной...
Не рвану себе бритвой шею,
лишь в руках твои руки грею,
как тогда, когда был живой.

* * *

Когда бы знала ты, как бесконечна грусть
холодных вечеров и пасмурных рассветов,
пустынных улиц, где любви со мною нету,
ты б не смогла уйти, шепнув: «На днях вернусь...»

Вернёшься?! Но куда?.. Теряется мой след,
как будто я бреду по полосе прибоа.
И в этом мире, где всегда нас было двое,
меня своей волной захлёстывает бред.

Мы вечны – Ты и Я. Ромео и Джульетта...
Но так же холодна гранитная плита,
и на свои слова я не найду ответа.

Я не дождусь тебя. Разяща пустота,
когда с души моей ещё не снята мета
любви и нежности, сожжённых у креста.

август 1984 – август 1985

ЛАБИРИНТ

---

* * *

Время настало войти нам под гулкие своды
жизни и смерти. Пугает нас эхо в тумане.
Так лабиринт безысходен и стены так чёрны,
что не оставить следа, и ни часа, ни дня не исправить.

Падаем ниц или гордо стоим без движенья,
мчимся вперёд или в страхе назад отступаем...
Даже на йоту пути своего не изменим,
даже на пядь ни любви, ни вины не прибавим.

Значит, вот так – покориться, согнуться, сломаться?
Значит, и щель нам сгодится, и тёплая падаль?
Надо идти – лишь идущий осилит дорогу.
...Если не выход, то выбор всегда нам оставлен.

* * *

Реальность. В чём она?
Так трудно постиженье простого. Вслушайтесь:
звук колокола — зво-н-н-н,
а звук души моей — ослепший шорох шор
и влажной тишины за окнами скольженье.

И осени моей возлюбленной глаза
пустые, как лачуг раздавленные стёкла,
в чьих колотых краях звучала бирюза,
покуда в блёклой бязи не размокла.

И осени моей... Как трудно пережить
открытие себя в речитативе чьём-то...
Нам кажется немислимым умолкнуть
и новой роли больше не учить.

* * *

Такое случается только в марте.
Кричала...
Но знали нелепость окраин и мило
гримасничал флаг над разбитым киоском
и сам я как пустошь наполнился жором
и рыбы глотали мокрые споры
дождя. Я ушёл от себя оглушённым.
Так было уже и закон был законом
чтоб с нею по Невскому мило болтая
крысиная стая как ласточек стая.
И стоя на утренней службе в часовне
я помнил далёкий тот бег под ногами
у Господа Бога. Как нам наступали
на пальцы и грузные грязны колонны.
Вот так отдаваясь двойному крещендо
и пламя могло бы дождём обольститься
где мы повстречались там нас не встречали
и пусто в устах отдавался тот посох.

* * *

Я не буду роптать, если вечер
откажется слушать меня.
Хорошо у огня тем, кто стал у стены отупенья.
Ваши волосы больше не будут
летать. Здесь не детская сказка,
разрушен...

Я не буду роптать, если прочерк
и если опять чьи-то пальцы сомкнутся,
так надо! Хорошо у огня тем, кто
начал стонать, остальным этой сказки
не нужно...

Я не выплавлен. Нет! Моя форма
пуста, пустота беспредельна и зряча.
Хорошо у огня тем, кто занял
места. Ну а как же иначе?

* * *

Холода наступают. Какая обида,
стало лето похоже на позднюю осень...
В сером пологе туч ни просвета не видно,
и сегодня ни капли со счётов не сбросить.

Это осенью листья, кругами снижаясь,
укрывают от взглядов пожухшие травы.
А сейчас ничего не укрыть... И не надо.
Мы готовы для боли, а значит, для правды.

Мы готовы. Не лгать бы. Как сердце трепещет
в лабиринте из жизни, из смерти и тленья,
и пронзительно тонкие пальчики трещин
пробегают по чаше с вином причащенья...

Мы готовы. Разомкнуты губы, и смолкли
все молитвы и клятвы. Сухая земля
ждёт дождя... Но упали лишь града осколки,
и пустыми окажутся наши поля.

* * *

Улетают Ангелы с Земли.
Что им делать
                                среди лжи и войн?
Над полями слышен грай вороний.
Улетают Ангелы с Земли.

Там, куда стремится их полёт,
звёзд бесщётных мёртвое мерцанье.
Мирозданье, укрываясь тайной,
одухотворенья внове ждёт...

На Востоке разлилась заря,
и звезда надежды не погасла.
Жизнь опять осваивает ясли,
скорбь и радость с вечностью деля.

* * *

Кто-то сирый к нам протягивает руки.
Что же делать? Мы не слишком с вами щедры.
Не взошли любви, не вызрели побеги.
Заросли березняком её посевы.

Кто-то в грязь упал и плачет
  пьяно... пьяно.
Отвернусь. Пройду. Моё ли это дело!
Упустил он и надежду, и удачу,
а теперь судьба истлеть ему велела.

Обернулся. «Не суди – судим не будешь!»
Это я в грязи, в блевотине и смраде.
И идут своей дорогой злые люди,
на меня в моём несчастье не глядя.

* * *

Не веруй! Но вырой могилу.
Не брось на глумление
псам. По миру мы ходим,
по миру. И славим Его чудеса.

Не веруй! Но Храм не харчевня.
Не стойло для загнанных
кляч. Прислушайся, лира Господня –
невнятный старушечий плач.

Не веруй! Но злобу и лютость
избуди. Замени на покой.
И веруй, и веруй без веры,
крестясь неумелой рукой.

* * *

Неумолчность критериев любви, дорога
расщеплённого сознания, на голове
состарившейся шляпы шаги во времени.
Печальные шаги из прошлого, чей образ – тишина
и голова, согретая ладонью, лелеюще первородство
сна, ко сну влекомая сыновнею любовью.

Окалина, отбитая тобой.

Окраина неумолчного смысла, чей первородный грех
в толпе тугой рассыпан, как испанское монисто.
Потупившись, выходит тишина из прошлого, и не хватает
сна, чтобы вернуться в это состоянье.

Кричи! Кричи. Бессмысленность видна в твоём по-
спешном бегстве от названья, которым завершается
стена зеркальных отражений. Тишина из прошлого как из
опочивальни выходит своенравна и нежна,
и нам с тобою издали видна
ладонь ли, чаша, полная вина, или Судьбы неалчное лаканье.

* * *

Милый край под звёздным небом,
что случилось с тобой?
Ты со мной, и, где б я ни был,
ты со мной!
Где шумят твои дубравы, где леса?..
Положила твои травы чья коса?
Родники твои истлели, мох пророс...
Злые вороны слетелись на покос...
Ты ль мне снишься сквозь метели
в забытье?!
Пусть помолится кукушка о тебе.

* * *

В поле воздух как белая зыбь,
под язык бы его, под язык. Как же
сердце моё не готово применять
это снадобье снова...

Как качается эта волна, то ли ладанка,
то ли весна, и рождается утро, и тлеет заря
там, где хочется крикнуть: «Трояк?!»

Там, где пить бы, да плакать, да петь,
да под мат бы российский хмельеть,
там, где в колосе зреет зерно,
там, где всем до всего – всё равно!

Возвращаясь к началу – возвращаюсь к игре.
Кость, кайло и лекало на сосновом столе,
пахнет лесом, и летом, и тропинкой к реке...
Застревает перо в этом зыбком песке.

***

Стикс опустел. Харон пошёл
поспать. Безвременье охватывает
тело. Наш мир снежинкой
падает в кровать и тает там,
забывшись оголтело.

Забыв глагол, что огнем
жжёт уста. Забыв свою
кремнистую дорогу. Он так
устал. Не трогай недотрогу.

Ладья без кормчего
обманчиво пуста.

***

Падший дух, подскажи постиженьё
нашей жизни, лишившейся пут.
Бесконечность, как скальпель, движеньем
рассекает и вечность, и грудь.

В этот путь нам не дали собраться.
Каждый шаг как по грани судьбы.
И чернеют вдоль линий столбы,
как кресты на могилах солдатских.

Я готов повторять вновь
и вновь — не полёт, не паденье, но... даже
завершенье паденья — любовь,
утолившую смертную жажду.

* * *

Питая ярость, тлеет уголёк
со-творчества, со-звучия, со-тьмы,
и, перечёркнут им наискосок,
теряет равновесье холст судьбы.

Но скажем «нет!» безветрию лекал,
что заданы движением светил.
Я страсть и ярость с жадностью лакал,
когда к истокам жизни приходил.

Не-равновесья, не-согласья сын,
смеюсь и плачу, вглядываясь в синь
святых небес. Бескрайность их страшна,
но дарит свет слепой душе она.

* * *

Стою у входа в лабиринт
судьбы, пытаюсь выбрать время,
когда, во тьму её вступив,
яро привычно укрепив,
мой Минотавр подставит стремя.

Скачу, не ведая преград,
из пепелища в пепелище.
Под сводом, крылья распластав,
потомки гарпий крови ищут.

Где обрету предел пути,
в каком из тёмных переулков
мой конь, ударив в землю гулко,
вперёд откажется идти?..

* * *

Я хочу рассказать про разомкнутый мир
недотрог, тех змеящихся слухов о не-
бытии человека. Я хочу обмакнуть свои руки
в прохладный поток совершенной любви
до скончания века. Ни прощенья, ни боли...
одна голубая вода или лес, уходящий за грань
горизонта. Это будет со мною и там,
где поют провода, где беспечная светит звезда,
где мерцание гонга.

Я хочу безразличья. Так камень веками молчит,
разрушаясь на мелкие крапинки кварца. Я хочу
обезличить себя... Позабыть, и забит
дом последней любви папарацци.

* * *

Трава умеет быть наивной,
и, под косою ложась рядами,
она сплетает прихотливо
зелёный озорной орнамент.

Не осуждая, не надеясь,
допьём дарованную чашу.
Заката краткое мгновенье
последней нежностью украсив.

***

Невнятных слов слепое бормотанье
сквозь душный морок прожитого
дня. Ночь на дворе, и ровное
дыханье неярких звёзд касается меня.

Не сон...

не явь...

но в тишине порою рождаются

не звуки, не слова...

а только тень, мелькнувшая

едва и взявшая поэзию

в подруги.

***

Когда настанет немота,
что буду видеть я оттуда,
где постигает вечность Будда
и тенью стала тень креста?

Что мне откроется? Не зря
пройдённый путь был крут
и странен. Был я твоей любовью
ранен. И целовал твои уста.

Что мне откроется? Печаль
прошедших дней не истребима.
Как жаль, что жизнь проходит
мимо и наступает немота.

***

Где грань, за которую выйдя
теряешь рассудок и смысл?
Где грань, за которой с обрыва
стремительно падаешь вниз?

Но снова и снова подходим
к черте между явью и сном,
бросая бессмысленный вызов
всему, чем обычно живём.

Там тьма, что сжимает как обруч,
поможет понять и принять
простую улыбку, с которой
к тебе обращается мать.

***

Что случилось?

Вновь вспомнил тебя.

Этой ночью тревожно душе.
Горький привкус тоски и стыда
с этой памятью слился уже.

Не любил.

Но проходят года,
и не в силах себе я простить,
как порвал навсегда... навсегда
нить любви, как суконную нить.

* * *

Постучался мне дятел в окно.
Значит семечки кончились
в чашке. Что ж, ты милый,
не кормишься в чаще? Там
не початых шишек полно.

Так и я, замерев у окна,
жду руки и надеюсь на чудо.
Всходит солнце, на сердце безлюдно,
и заря на востоке видна.

* * *

Который раз последней стражи
пробьют старинные часы.
Что скажешь мне, дыханьем даже
не потревоживший росы?

Звучанье гонга в дымке скрыто
там, где темнеет перевал.
Ты проведёшь меня по плитам
к тому, что я во снах встречал.

К тому, что мнилось недоступным
в ночной невнятной тишине.
...Мерцанье гонга при луне,
и тень сосны на тех уступах.

* * *

Я оглох от рокота прибоя.
Я ослеп от лунного сиянья.
Вновь душа, столетий ритм освоив,
начинает древнее камлание.

Шелест трав и шум листвы тревожен.
Ждёт грозы распахнутое небо.
Огонь падёт, и станет невозможен
жизни путь, каким бы долгим не был.

Не зову тебя на пепелище,
где моих стихов сгорали строки.
Бубен слов попутный ветер ищет,
даже если он колючий и жестокий.

* * *

Там, где солнце касается пола,
так тепло босиком постоять.
За окном всё до боли знакомо:
пруд заросший, болотная падь.

Тишина так пронзительна утром.
В тишину птичий гомон вплетён.
Небо нынче цветов перламутра,
бархат зелени выстелил склон...

Вот бы так достоять свою стражу.
Всё исчерпано — дружба, любовь...
От чего же, напившись, мы жаждем
черновик переписывать вновь?

* * *

Я слепну, родная, я слепну.
Не вижу ни воли ни дали...
Когда-то парил в поднебесье,
да клеткою небо забрали.

Нас кормят с тобою, нас кормят
с ладони, и надо сдержаться —
не впиться когтями до крови,
чтоб ворванью их не питаться.

К ЭВРИДИКЕ

Закрываю твои глаза, любимая,
ладонью — ладанкой
покоя и причастья.
Возвращаясь в мир,
нас будет двое,
как душа и сердце — только части...

Перевод не ровен и не
совершенен. Части фраз
соединил на нитку.
Но поверь, что счастье,
пропитавшись болью,
станет крепче стали,
а не пыткой.

2015–2020

Содержание

Вступление	5
«Молчанье – не безмолвие души...»	7

СЛЕПОЙ АРИЭЛЬ

«приносит осень огорченья...»	9
«серебро... серебряные створки разошлись...»	10
«В погоне за тем, что минует как сон...»	11
«я оплакан...»	12
«на солнечном берегу...»	13
«путь из мёртвого пространства...»	14
«Укором памяти легла на землю ночь...»	16
«Что в слове „Бог“ для сердца моего?..»	17
«Что травы...»	19
«отрекусь от мечты...»	20
Петербург	21

СТУПЕНИ

«Нет, я не всё сказал...»	29
«Опомнись, истина...»	30
«Даруй мне, Господи, не вечность, но покой...»	31
«Я твоею любовью себя воскрешал...»	32
«мы счастливы с тобой...»	33
«Ты тихую тропой...»	34
«Когда мне музыка...»	35
«И не оправдан, и не проклят...»	36
«Я пришёл к тебе в Храм, чтоб молиться...»	37

ОРФЕЙ И ЭВРИДИКА

«Я не лишусь тебя, благословенный дар...» 39

1. Орфей

«Ты струны перебираешь...» 40

«Орфей, ты плачешь. Ночь спустилась...» 42

«Я вижу, вижу путь надежды...» 43

2. Орфей и Эвридика

«Я измучен, я потерян...» 44

«Мой милый! Нежность моя не имеет границ...» 46

«Выстоится, выструится...» 47

«Что ты! Оглянись...» 48

«Неужели этот мир не мир, а пропасть?..» 49

«Что сказать тебе, любимый, что ответить...» 50

«Ты лгала мне, ты лгала мне...» 51

«Мой любимый! Май в дыму деревьев...» 52

3. В царстве теней

«Как смешно всё, что с нами случилось...» 53

«Я бреду наугад среди дней и ночей...» 54

«Здесь ложь цветёт и курят фимиам...» 55

«Пусть я мёртв и с мёртвою любовью...» 56

«Что за слухи о том, что тебя выводили...» 57

4. Исход

«У стен, чьи каменные своды...» 58

«Пусть я брошен тобой...» 59

«Ах, прошедшее, ты нам не даришь счастья...» 60

«Так молиться никто не умеет...» 61

«Были колдуны...» 62

ФАУСТ

«Кто разрушает голоса?! Кто звонче всех...» 65

«Ты думал, нет меня!..» 67

«Разбиты набаты...» 68

«Когда отвергнута недремлющая память...» 69

«Я буду будить тебя, буду будить!..» 70

«Когда последнего предела...» 71

«...ступени слов...» 72

«Там, где погасшее солнце...» 73

«Излиться. Из листьев, из ости...» 74

«Что такое любовь?!» 75

ТЕАТР МАРИОНЕТОК

«Малыш, когда так больно всем шарнирам...» 77

Маска первая

«Когда лепила нас Природа...» 79

«Как дерево, что скрючено ветрами...» 80

«Вот наступил и наш черёд...» 81

Маска вторая

«Жизнь — злая госпожа: то строгостью томит...» 82

«Я прежний, а прежде кто прежним был...» 83

«Когда вдали, как скрипки тёмный голос...» 84

Маска третья

«В этом мире, где всё обозначено чётко...» 85

«Ну что же, мастерски ли маски...» 86

«Я готов бесконечный диалог...» 87

Эпилог 88

Моим друзьям 89

СТУПЕНИ

«По каким ступеням нам спускаться в Ад?..»	95
I	
«Не тем душа моя больна, что больше нет...»	96
«Я не зову тебя: „Вернись!“...»	97
«В моей комнате мебель всё та же стоит...»	98
II	
«Петербург, Петербург! Осаждаясь туманом...»	99
«Забытых слов не жаль мне, нет...»	100
«Полно молиться, и полно молить!..»	101
III	
«В наш трудный век не каждый знает...»	102
«Какой резец сумел запомнить...»	103
«Ты молода. Как холодом вода...»	104
«Так трудно вымолить пощаду...»	105
IV	
«Когда, к чужому берегу спеша...»	106
«Какие мутные стёкла... И от дождя всё промокло...»	107
«Так тоскливо, мой друг, вечерами...»	108
V	
«В пустой абстракции, исполненной обмана...»	109
«Твои письма лежат у меня на столе...»	110
«Я знаю, что с тобой сравниться...»	111
«Было странно войти в твою память...»	112
«Так должно быть...»	113
VI	
«Какая грусть... Ты подойдёшь ко мне...»	114
«Мне бессонных ночей хватает...»	115
«Когда бы знала ты, как бесконечна грусть...»	116

ЛАБИРИНТ

«Время настало войти нам под гулкие своды...»	117
«Реальность. В чём она?..»	118
«Такое случается только в марте...»	119
«Преклоняю колени...»	120
«Ночь, когда темнота подступает...»	121
«Я не буду роптать, если вечер...»	122
«Холода наступают. Какая обида...»	123
«Улетают Ангелы с Земли...»	124
«Кто-то сирий к нам протягивает руки...»	125
«Не веруй! Но вырой могилу...»	126
«Неумолчность критериев любви, дорога...»	127
«Милый край под звёздным небом...»	128
«В поле воздух как белая зыбь...»	129
«Стикс опустел. Харон пошёл...»	130
«Падший дух, подскажи постижение...»	131
«Питая ярость, тлеет уголёк...»	132
«Стою у входа в лабиринт...»	133
«Я хочу рассказать про разомкнутый мир...»	134
«Трава умеет быть наивной...»	135
«Невнятных слов слепое бормотанье...»	136
«Когда настанет немота...»	137
«Где грань, за которую выйдя...»	138
«Что случилось?..»	139
«Постучался мне дятел в окно...»	140
«Который раз последней стражи...»	141
«Я оглох от рокота прибоя...»	142
«Там, где солнце касается пола...»	143
«Я слепну, родная, я слепну...»	144
К Эвридике	145

Литературно-художественное издание

Дмитрий Александрович Ивашинцов

МОЛЧАНЬЕ

Поэтический сборник

Дизайн: Д. Д. Ивашинцов

Оригинал-макет: Н. Л. Балицкая

Корректор: Е. В. Величина

Подписано в печать 27.10.2021.

Формат 60×90 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 9,5.

Тираж 500 экз. Заказ 539.

ООО «Издательство имени Н. И. Новикова».

190121, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 13–15, к. 6.

www.novikoff.spb.ru

e-mail: novikoff_verlag@mail.ru

Отпечатано в ООО «Контраст».

192171, Санкт-Петербург, Железнодорожный пр.,

д. 20, литера А, пом. 6.